

Б. Колесов

## Плов в Исфаре

Каждый год на майские праздники мы отправляемся в горы. Мы привыкли к этим весенним походам, и уже не представляем свою жизнь без них. Мы – не альпинисты, и не карабкаемся вверх по отвесным скалам. Мы – горные туристы, ходим по тропам там, где ишак пройдёт. Нам не нужно тащить с собой тяжёлое альпинистское снаряжение, и поэтому за десять майских дней мы успеваем пройти длинный маршрут, одолеть несколько перевалов и многое увидеть.

Когда хотят рассказать о горах, всегда вспоминают об огромных безжизненных скалах, сверкающих заснеженных вершинах, первозданной голубизны озёрах. Все так. Но горы – это ещё и редкая, настороженная тишина, необычная для нас и потому заставляющая остановиться в ожидании чего-то внезапного и непредсказуемого. А ещё здесь, в неподвижных и немых горах, возникает незнакомое, таинственное ощущение пространства и застывшего времени, и мы, привыкшие к сутолоке и скученности городов, стоим, притихшие, сознавая свою ничтожность и незащищённость перед этим грозным миром.

Нам не терпится очутиться в горах. Но сотня-полторы километров горных троп, тяжёлые,

заснеженные перевалы и другие «прелести» горной жизни дают о себе знать, и через восемь-десять походных дней мы начинаем ждать спуска вниз, к людям, с тем же нетерпением, с каким ещё совсем недавно устремлялись в горы.

На этот раз мы выходили из маршрута через Исфару, небольшой город на северо-востоке Таджикистана, имеющий, однако, давнюю историю. Сбросив рюкзаки в небольшой двухэтажной гостинице, мы пошли прогуляться по улицам и посидеть в чайхане.

В чайхану обычно приходят не затем, чтобы быстренько поесть и бежать дальше. Нет, в чайхане люди, удобно расположившись за низеньким дастарханом, покрытом затёртым и полинялым ковром, сидят долго, беседуют неспешно, пьют зелёный чай из бесчисленных чайничков умиротворённо. Для туристов, спустившихся с гор, здесь ещё можно, наконец, немного отдохнуть, расслабиться, а часто и унять сверлящую боль в голове, которая возникает всякий раз при резкой смене высоты.

Посидев в чайхане часа два, мы продолжили прогулку. В любом среднеазиатском городе, как ни ходи, все равно придёшь на базар. Пришли и мы. У нас, в Сибири, в это время весна только начинается, а здесь, на базаре в Таджикистане, уже лето в разгаре и от столов глаз не оторвать: горы молодой зелени, красных помидоров, все свежее, только что с грядки. Мы с большой охотой принялись рассматривать товар и

делать покупки, как вдруг из толпы выскочил таджик лет сорока, в халате и с бородой, и с ликующим криком бросился к Михалычу. Последовали радостные приветствия, рукопожатия и даже объятия. Оказалось, что Михалыч года три назад здесь же, на этом базаре, подарил Сухробу моток верёвки – вещь необходимую и высоко ценимую в азиатской глубинке. И теперь Сухроб как ребёнок радовался встрече со своим старым другом, а заодно и со всеми нами. Конечно, остановились, поговорили, порасспросили. Оказалось, что Сухроб и его спутник Нуруло, стоявший тут же, содержат чайхану неподалеку (другую, не ту, где мы только что были), и они, глядя на наши усталые и похудевшие лица, пожалели нас и предложили приготовить нам плов. От нас требовалось только закупить все необходимые продукты. Жители Средней Азии вообще относятся к гостям приветливо, а для Сухроба это ещё была возможность ответить другу добром на добро. Мы сразу поняли, что нам выпадает редкая удача попробовать настоящий таджикский плов, приготовленный профессионалами, и охотно согласились.

Не теряя времени, двинулись по базару. Выбирали Сухроб с Нурулой, мы же только наблюдали и расплачивались за товар. Молодого барашка и различные специи, то есть жёлтую морковку, кориандр, зиру и другие, купили довольно быстро, но, когда настала очередь риса, процесс затормозился. Ферганский длиннозерный рис лежал величественными

холмами на многих столах, но нужен был не всякий, а тот, что обладал необходимой спелостью, влажностью и другими, неизвестными нам характеристиками. Наши друзья, не торопясь, переходили от одного стола к другому и, зачерпнув горсточку рису, задумчиво перетирали его между пальцами, словно прислушиваясь к тому, о чем хотят рассказать трущиеся зернышки. Перебросившись парой непонятных слов, шли дальше. Наконец, пройдя все столы, выбрали и рис. После этого нам было велено больше не мешать и явиться в чайхану в семь часов вечера.

С трудом дождавшись вечера, мы двинулись в чайхану. Но тут две девушки из группы захотели именно в этот момент позвонить домой и побежали на почту, пообещав присоединиться к нам минут через двадцать. Необдуманное и чреватое последствиями решение!

Нас ждали: чайхана стояла пустая и только Сухроб и Нуруло застыли в дверях кухни. Как только мы устроились за дастарханом, из кухни торжественно вынесли два больших подноса, и на каждом возвышалась гора рассыпчатого, теплого плова. Зернышки риса из белых стали желтыми и жирно блестели, отчего весь плов мягко отливало золотом. Над каждым блюдом колыхалось легкое облачко и исходил аромат, несильный, но от него наши головы слегка закружило.

Подносы установили, и Сухроб показал нам, как правильно едят плов. Оказалось, что нужно рукой захватить с подноса плов в горсть, и держа зажатый кулак вертикально, поднести его ко рту. И вот тут, слегка разжав кулак, вытолкнуть снизу большим пальцем, сильно изогнув его, плов из ладони в рот. Казалось бы, все просто. Но наши хозяева, объясняя привычные для себя действия, не учли многого. Во-первых, мы почти целый день не ели, приготавливая себя к вечерней трапезе, и были голодны, как волки. Во-вторых, от плова шел такой дурманящий запах, что наше сознание немножко помутилось и стало неспособным воспринимать адекватно то, что нам говорили. И, наконец, в-третьих, мы не умеем есть из ладони!

Другими словами, дело вылилось в чистый конфуз! Мы, голодные, набросились на плов, и, следуя инструкции, стали хватать его руками и неумело пытаться запихнуть в рот. Но как мы ни старались повторить движения инструктора, добрая половина ухваченного плова оказывалась на столе. Мы и головы выворачивали, неестественно, как попугаи, подстраиваясь под направление падающего риса, и второй рукой пытались помочь – напрасно! Плов упорно валился из ладони на стол. Наконец, плов был так вкусен, что никакого терпения не хватало, чтобы есть его не спеша и аккуратно. У меня нет таких слов, чтобы описать вкус плова. Скажу только, что ни до, ни после, ни в столовой, ни в ресторане, ни на улице, даже

и в Средней Азии, ни дома, даже и у опытной и умелой хозяйки, такого плова мы никогда не встречали. Мягкий, рассыпчатый, он, как нежный торт, таял во рту.

Наши друзья с недоумением следили за судорожными и неловкими движениями, которые мы проделывали, удивляясь полному отсутствию у нас какой-либо сноровки и культуры общения с их национальным блюдом. Но долго смотреть на это безобразие они не смогли и принесли нам ложки. Все, и гости, и хозяева, облегчённо вздохнули!

Вооружённые ложками, мы в считанные минуты расправились с обоими подносами, не оставив на них ни зернышка. Некоторое время мы сидели, сытые и довольные, все ещё ощущая в себе волшебный вкус плова. И тут явились наши дамы. На мгновение установилась отрезвляющая тишина. Большого позора, чем тот, что мы испытали при появлении девушек, трудно представить. Затем все разом заговорили, пытаюсь оправдаться, жалко и беспомощно, но получалось что-то нелепое, типа «это плов во всем виноват!». Девушкам тоже было неловко, и они молча сели рядом, ни на кого не глядя.

Сухроб и Нуруло, не зная о том, что будут ещё гости, некоторое время молча наблюдали, оценивая ситуацию, неприятную и для них тоже. Затем переглянулись и скрылись на кухне. Через минуту они вынесли две небольшие чашки плова и поставили перед девушками. Скорее всего, эту небольшую долю они

оставляли себе на ужин, но без колебаний пожертвовали ею, чтобы нас спасти и самим не нарушить законы гостеприимства.

После того, как все уладилось, девушки покушали, а наша честь была как бы восстановлена и позор смыт, благодушное настроение вернулось к нам и снова захотелось посидеть в чайхане подольше. Но хозяева уже устали и дали нам понять, что пора уходить. Мы тепло распрощались с ними.

С тех пор нам не пришлось больше побывать в Исфаре. Потому что и мы немножко постарели, и политические события вмешались. Но в памяти тот вечер сохранился. И теперь, когда я попадаю в какое-нибудь застолье и речь случайно заходит о плове, я напускаю на себя несколько усталое и скептическое выражение и заявляю безнадёжным тоном: «Э-э-э, забудьте! Вам не судьба попробовать настоящий плов! А вот я ....». И рассказываю эту историю.

2024 г.